

63.3(4)
Р89
СА-390420

РАССКАЗЫВАЮТ:

КЕРЕНСКИЙ, СТОЛЫПИНЫ, ТОЛСТАЯ, МАРШАК,
АННЕНКОВ, АДАМОВИЧ, РОЩИНА-ИНСАРОВА,
ВИШНЯК, СЕРГИЕВСКИЙ, ГУЛЬ

РУССКОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ — ИСТОРИЯ ПРОИГРАВШИХ —

Воспоминания русских эмигрантов времен
революции 1917 года и Гражданской войны

РАССКАЗЫВАЮТ:
КЕРЕНСКИЙ, СТОЛЫПИНЫ, ТОЛСТАЯ, МАРШАК,
АННЕНКОВ, АДАМОВИЧ, РОЩИНА-ИНСАРОВА,
ВИШНЯК, СЕРГИЕВСКИЙ, ГУЛЬ

РУССКОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ — ИСТОРИЯ ПРОИГРАВШИХ —

Воспоминания русских эмигрантов
времен Революции 1917 года
и Гражданской войны

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н. К. Крупской»
Издательство АСТ

Москва

са-390420

Содержание

Иван Толстой. РУССКОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ УСТАМИ ПРОИГРАВШИХ	7
Глава 1. СКОЛЬКО ГЛАЗ НУЖНО ХУДОЖНИКУ? ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЗРЕНИЕ АННЕНКОВА.....	13
Рассказывает Юрий Павлович Анненков	16
Глава 2. ДЕТИ СТОЛЫПИНА	39
Рассказывает Аркадий Петрович Столыпин	42
Рассказывает Александра Петровна Кайзерлинг.....	54
ГЛАВА 3. КОГДА ПАПА БЫЛ МИНИСТРОМ.....	61
Рассказывает Олег Александрович Керенский.....	63
Глава 4. ГЛАЗАМИ АКМЕИСТА.....	75
Рассказывает Георгий Викторович Адамович	77
Глава 5. ПРАВАЯ РУКА СИКОРСКОГО	105
Рассказывает Борис Васильевич Сергиевский	108
Глава 6. ЛЕТАЮЩИЙ ЮВЕЛИР	119
Рассказывает Александр Осипович Маршак	122
Глава 7. НЕСТАНДАРТНАЯ ДОЧЬ	177
Рассказывает Александра Львовна Толстая	180

ПРЕДИСЛОВИЕ

РУССКОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ УСТАМИ ПРОИГРАВШИХ

В своей книге «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» французский историк Марк Ферро рисует крайне поучительную картину. Она впечатляет даже тех, кто не берется прочитать его труд от корки до корки.

Французы и бельгийцы, армяне и турки, американские индейцы и европейские завоеватели, англичане и зулусы, сербы и албанцы — что общего у них в изложении прошлого? Сколько ярости и оскорбленных чувств вызывает космогония недруга!

Герои для одних оказываются предателями в глазах других, наша справедливость понимается неприятелем как вероломство — и наоборот. И все это тысячекратно усиливается, когда делить начинают не просто территорию, но родину, никогда ведь не перестающую быть *своей* для каждой из враждующих сторон.

Марк Ферро учит главному: изучая прошлое, не спешить с привычными и скоропалительными выводами (о том, кто прав, а кто виноват), смиряться перед трагедией истории, помнить, что в любом конфликте есть законная точка зрения — взгляд побежденных. Тем полезнее помнить эти уроки, когда обращаешься к самым удручающим войнам — бра-тоубийственным, гражданским.

В середине 1960-х годов на Радио Свобода в Мюнхене родилась идея — подготовить серию больших исторических интервью мемуарного характера с участниками Первой мировой, революции и гражданской войны в России.

Вообще-то Русской Смуте, как привычно называли в эмиграции катастрофу XX века, была уже посвящена целая библиотека документов, батальных полотен, воспоминаний, кинофильмов, дневников и писем. Но поскольку трагедия перевернула всю страну и затронула буквально всех, каждому выжившему было что рассказать.

Создатели проекта «устной истории» лихолетья не ставили перед собой и своими собеседниками академических задач. Их целью была коллекция частных воспоминаний, звучащих исповедей, магнитофонных «документов личного происхождения», как это называли прежние архивисты, а последние полвека выделяют в особую группу эго-документов. В эту категорию включается все, что имеет отношение к «я», к частному свидетельству, персональному взгляду на события без претензии на объективность и обобщение.

начинают шуршать, пальцы не слушаются, он подбирает слова — живой, беззащитный, естественный.

Воспоминания Юрия Павловича в каждом своем эпизоде законченные, это миниатюры, быстрые и схватчивые портреты, всегда несущие яркую характеристику увиденного человека. У них есть характерная перекличка с портретами графическими: человек в них дается непременно в окружении узнаваемых деталей времени — словечек, интерьера, детали гардероба.

Частая деталь анненковских рисунков — отсутствующий глаз у модели. Таков его Маяковский, Самуил Алянский, таковы автопортреты самого Юрия Павловича. Еще эффектнее Гоголь — его длинноносый профиль взят одной чертой. Глаз нет вообще. Таковы и мемуары Анненкова: они очень личные, дерзко субъективные, претендующие на точную деталь и одновременно питающие слабость к историко-политическим обобщениям. А уж сколько глаз нужно таким портретам для убедительности — это личный выбор автора.

РАССКАЗЫВАЕТ ЮРИЙ АННЕНКОВ

Юрий Павлович, вы были свидетелем событий, которые происходили в России в 1917 году, и я бы очень хотел попросить вас рассказать о них. Но вначале, будьте добры, расскажите о своей семье, о том, где и когда вы родились.

В юности отец мой принадлежал к революционной партии «Народная воля» и состоял в ее террористической организации, совершившей убийство Александра II 1 марта 1881 года. Вместе с Николаем Кибальчицем, Софьей Перовской, Андреем Желябовым, Тимофеем Михайловым, Николаем Рысаковым и некоторыми другими членами этой группы был арестован и мой отец. По счастью, непосредственного участия в покушении на императора он не принимал, и потому избег виселицы. Он пробыл один год и восемь месяцев в одиночной камере Петропавловской крепости, после чего, приговоренный к каторжным работам, был сослан этапным порядком в Сибирь. Года через полтора каторга была ему заменена принудительным поселением, и отец был переправлен на Камчатку, в город Петропавловск. Туда приехала к нему его жена, и далекий Петропавловск стал моей родиной. Вскоре отец был помилован и смог постепенно, на собственные средства, вернуться в Европейскую Россию: сначала, в январе 1893 года, — в Самару, где мы прожили года два, и наконец в Петербург. В Самаре мой отец познакомился и сблизился с Владимиром Ильичом Лениным.

дочери бывшего французского посла в Петербурге и до начала Второй мировой войны проработал в банке. С середины 1930-х он связал свою судьбу с Народно-Трудовым Союзом (НТС) и по его заданию был послан в Венгрию для организации подпольного радиовещания на Польшу, в которую вот-вот должны были вторгнуться советские войска.

С 1942-го по 1949-й он был председателем французского отделения НТС, затем ведал «сектором иностранных сношений», долгие годы избирался председателем Высшего суда НТС.

Аркадий Столыпин — профессиональный журналист, редактор агентства «Франс-Пресс», автор ряда публицистических книг: «Монголия между Москвой и Пекином», «Поставщики ГУЛага», «На службе России: Очерки по истории НТС». В 1986 году опубликовал в журнале «Русский Мирь» мемуарный очерк «Слово об отце», где, в частности, говорил: «Государственную власть он принял он как тяжелый крест. Работал, порою, целыми ночами, что в конце жизни отразилось на состоянии его сердца. Спешил каждый вечер окончить работу, положенную на этот день. Глядя на часы, говорил порой с горечью: „Идёте, проклятые!“».

Аркадий Петрович скончался в Париже в 1990 году.

Второй мемуарист, Александра Петровна Столыпина, родилась в 1898 году и в 1917 году была еще не замужем. За границей она вышла за графа Льва Кайзерлинга, прожила, как большинство Столыпиных, долгую жизнь и умерла в 1987 году в возрасте 89 лет.

РАССКАЗЫВАЕТ АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ СТОЛЫПИН

Родился я 2 августа 1903 года в нашем имении Колноберже нашей Ковенской губернии. Это было перед революцией 1905 года. У меня ощущение, что это было 200 лет тому назад, настолько тогдашняя обстановка была патриархальной и настолько сильно она отличается от сегодняшнего дня. Наше имение — это был наш дом, наш очаг; там протекли лучшие годы моего отца, там он начал свою деятельность. Там, при контакте с крестьянством, зарождались его мысли о земельной реформе. Все мое детство, вплоть до страшных событий 1914 года, когда началась первая мировая война, протекало там.

Братьев у меня не было. Мать очень пеклась о нас, а отца мы видели сравнительно мало. У меня были сестры. Трое из них до сих пор живы. Все они старше меня. Я был шестым, самым младшим ребенком, поэтому меня баловали больше, чем других, особенно

монархический строй, парламентаризм, который был совсем еще молодой. Только если развивать все это, можно было прийти к другим результатам, такое у меня чувство. И нужно было десять лет России побыть без войны, нужно было время, чтобы укрепился этот новый строй, который спотыкался на каждом шагу. Тогда, может быть, России удалось бы избежать катастрофы.

РАССКАЗЫВАЕТ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА КАЙЗЕРЛИНГ

Отец был всегда гораздо дальше от нас, чем мать, но всегда со всеми неприятностями мы обращались к нему. Например, однажды моя сестра очень поранила себя и боялась рассказать об этом. Она пошла и записалась в очередь в его канцелярии. Когда пришла ее очередь, она пришла к отцу и показала пораненную руку. Он сказал: «Хорошо, что ты не прошла первой», и вызвал доктора.

Вы помните отца как человека строгого?

Нет, веселого. Он с нами танцевал. Моя мать в деревне вечерами играла на фортепьяно, а отец по очереди нас всех приглашал танцевать, а я была такая короткая, что в воздухе танцевала. В деревне отец хотел, чтобы моя мать всегда играла ему на фортепьяно, а он ходил по своему кабинету, заложив руки за спину. Я это очень хорошо помню. Иногда вечерами он нам читал: Гоголя, всех русских классиков. Когда случались неприятности, он никогда не спускал нам слабости. Если я падала с лошади слишком часто, он долго молчал. Когда же он увидел, что все мое лицо изранено, потому что лошадь меня копытом ударила, он сказал: «Если еще раз ты упадешь с лошади, то ты будешь ездить в коляске, как старая дама». С тех пор я старалась не падать, а если падала, то старалась это скрыть.

Мы были все довольно левые. Старшую сестру мой отец называл Чаидзе (Марью Петровну Бок). Она всегда оппонировала ему, он это очень любил. Я помню девчонкой пошла с ним гулять, а он объяснял мне, что такое аграрная реформа. Точно уже всего не помню, но он говорил о стабильности, что ничего не должно быть сделано скачками. Говорил мне, что он как раз это проводит. Я помню, что мой отец подал в отставку, когда государственный совет провалил его реформу о морских штатах. Он сказал моей матери, что государственная дума провела закон, а старики в государственном совете все провалили, с ними труднее всего работать.

Старший сын министра юстиции, позднее — военного и морского министра и, наконец, министра-председателя Временного правительства Олег Керенский (1905-1984) в свои 12 лет оказался свидетелем второй, а затем и третьей русской революции. Ему пришлось пережить и эйфорию первых мирных дней, и гордость за знаменитого отца, и растерянность семьи, попавшей под подозрение новых властей, и арест, и побег за границу с подложными документами. Прежняя жизнь с любимым отцом была революцией бесповоротно разрушена, но Олег Александрович встал на ноги сам, отстояв достоинство фамилии и превратившись в видного британского инженера-мостостроителя, владельца большой инженерной фирмы, разрабатывавшей, кроме мостов, дороги и электростанции. «Я пролез в люди, мне повезло», — говорил он. Первым громким проектом, в работе над которым он принял участие, стал мост Харбор-Бридж в заливе Порт-Джексон в Сиднее. Он до сих пор считается одним из самых больших стальных арочных мостов в мире, символом австралийского города. Под руководством Керенского-сына спроектирован и построен знаменитый мост через Босфор, соединивший Европу с Азией. Олег Александрович скончался в Лондоне 25 июня 1984 года.

РАССКАЗЫВАЕТ ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ КЕРЕНСКИЙ

Я родился 3 апреля 1905 года в Петербурге, на Бассейной улице. В то время мой отец был помощником присяжного поверенного. Мать моя из военной семьи, отец ее был генералом, а дед по материнской линии — первым в России профессором-китаистом. В семнадцатом году мы жили на Тверской улице, почти напротив Смольного института и совсем близко от Таврического дворца. В то

престарелым. Входил в Толстовский фонд и дружил с Александрой Львов-ной Толстой. В 1998 году вышла по-английски его книга «Самолеты, женщины и песни. Записки боевого аса, пилота-испытателя и искателя приключений». Издание подготовили писатель и историк Адам Хохшильд, племянник Бориса Васильевича и специалист по авиации Алан Форсайт.

РАСКАЗЫВАЕТ БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ СЕРГИЕВСКИЙ

Я родился в Гатчине 20 февраля 1888 года. Мой отец был инженер путей сообщения, и его работа была в это время в Гатчине. Но мне было всего два года, когда мой отец как специалист по портовым сооружениям, был переведен на юг в числе строителей Одесского порта. И мое детство прошло, главным образом, на берегах Черного моря. Отец был командирован для разных сооружений из Одессы по разным другим местам — и на кавказском побережье, и в Крыму — и мне пришлось в детстве проводить больше всего времени там, на берегу Черного моря. Реальное училище я окончил в Одессе — частное реальное училище немецкое Святого Павла. По окончании реального училища я поступил в Киевский Политехнический институт и продолжал заниматься там. К началу войны я фактически окончил Политехнический институт, но у меня был на руках дипломный проект, который я не успел защитить студентом, и я, уже поступив на военную службу, продолжал учиться в Политехническом институте.

Когда началась война, я был произведен в офицеры из запаса еще в 1912 году. В это же самое время меня страшно заинтересовала авиация, я брал частные уроки у моего приятеля Уточкина, знаменитого летчика в свое время, и первый самостоятельный полет я сделал 16 марта 1912 года.

Мне пришлось начать войну в пехоте. И хотя я имел право как уже летающий человек быть в авиации, мне было неловко уходить из полка. Когда начались боевые действия, авиация была в самом зачаточном виде. В авиацию мне удалось поступить только после двадцати месяцев пехотной службы, и это дало мне возможность, будучи в авиации, видеть многие части фронта. Нас, летчиков, было мало, и нас все время гоняли, перемещали из одного места фронта в другое. Таким образом к 1916 году, как раз в периоде,

Русская драматическая актриса Екатерина Николаевна Рощина-Инсарова (1883–1970) прославилась на сцене петербургского Александринского театра в предреволюционные годы.

Николай II (1868–1918) и Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич были расстреляны вместе с семьей и четырьмя приближенными в июле 1918 года в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге.

Лев Толстой с дочерью Александрой.

Графиня Александра Львовна Толстая (1884–1979) — младшая дочь и секретарь Льва Толстого, автор воспоминаний об отце. Основательница и первая руководительница музея в Ясной Поляне и Толстовского фонда.

Александра Петровна Столыпина (1897–1987) — пятая дочь Петра Столыпина, после 1917 года за границей она вышла за графа Льва Кайзерлинга.

Сын П. А. Столыпина Аркадий у Елагиноостровского дворца. Петербург, 1907 г. Фотограф К. Булла. Архив КФФД

Свадьба Аркадия Столыпина. Аркадий Столыпин (1903–1990) — младший, шестой ребенок Петра Столыпина. Аркадий Столыпин — профессиональный журналист, редактор агентства «Франс-Пресс», автор ряда публицистических книг: «Монголия между Москвой и Пекином», «Поставщики ГУЛага», «На службе России: Очерки по истории НТС».

Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) с семьей на террасе у Елагиноостровского дворца в Санкт-Петербурге. Август 1907 г. Фотограф К.К. Булла. Невский пр., 54. (Слева направо в первом ряду: дочери Ольга и Александра; во втором ряду: Анна Борисовна Сазонова (урожд. Нейдгардт), дочь Наталья и сын Аркадий; в третьем ряду: гувернантка дочерей П. А. Столыпина мадмуазель Сандо, дочь Елена, жена Ольга Борисовна, дочь Мария и П. А. Столыпин.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**